

© 2011 г. В.Ю. АПРЕСЯН

ОПЫТ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА: РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ*

Эта часть работы является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем номере ВЯ, в которой содержится более полный список литературы по данной теме.

Рассматриваются эмоциональные кластеры 'грусть', 'радость', 'отвращение', 'жалость', 'стыд' и 'обида'. Исследование показывает, что, хотя индивидуальные различия между отдельными словами в двух языках могут быть значительными, в целом «концептуальные карты» большинства эмоций различаются не столь сильно, как это принято считать. Так, во многих кластерах выделяются сходные типы эмоций, близкие по стимулам, степени и силе эмоции, и часто сопровождаемые похожими оценками.

2. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

2.3. Общие тенденции в устройстве семантических кластеров

2.3.3. Кластер 'грусть' в русском и английском языках

Начиная с классической работы Анны Вежбицкой о трех ключевых концептах русской культуры – *душе*, *тоске* и *судьбе* [Wierzbicka 1990], русская *тоска* (сложная эмоция, включающая некоторые компоненты грусти, скуки и депрессии) традиционно считалась этноспецифичным концептом, и более поздние работы на эту тему [Levontina, Zalozniak 2001] также поддерживают мысль об уникальности русской концептуализации 'грусти'.

Слово *тоска*, безусловно, обладает уникальной комбинацией смыслов, которая не может быть передана ни одним отдельным словом английского языка, что можно

* Данная работа написана при финансовой поддержке следующих грантов: гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ № НШ-3205.2008.6, гранта РГНФ № 06-04-00289а на «Разработку словника и проспекта активного словаря русского языка», гранта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», гранта РГНФ № 07-04-00-202а «Системообразующие смыслы русского языка», при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», а также гранта Дэвис-центра (Гарвард) на 2007–2008 гг. и гранта РГНФ № 10-04-00273а «Подготовка первого выпуска Активного словаря русского языка». Автор выражает свою благодарность Ю.Д. Апресяну, Л.Л. Иомдину и М.В. Гронасу за ценные критические замечания к более ранним версиям этой работы, а также всем тем, кто комментировал данную работу устно, когда разные ее части обсуждались на семинаре Дэвис Центра в Гарвардском университете, семинаре Отделения современных языков в Тринити Колледже, семинаре Отделения русского языка в Дартмутском Колледже, семинаре по теоретической семантике в Институте проблем передачи информации, на конференции Диалог'2008, а также на ЛЛШ-2008 в Дубне. Отдельная благодарность моим информантам по английскому языку – Н. Шнитке, Д. Танненбойму, Э. Хьюитт, Д. Варилеку.

проиллюстрировать двумя авторскими вариантами набоковской «Лолиты» – английским и русским; Набоков выбирает *tosku* в качестве соответствия в самых разных английских контекстах для передачи эмоций типа ‘скучать по кому-то или чему-то’, ‘душевная боль’, ‘скучать от чего-то неинтересного и многократно повторяющегося’:

- (52) *Mists of tenderness enfolded mountains of longing* (букв. ‘страстное стремление к чему-то’)
Туман нежности обволакивал горы тоски;
- (53) *The experience curbed forever my yearning for rural amours* (букв. ‘страстное томление по чему-то’)
Этот случай навсегда излечил меня от тоски по буколке;
- (54) *My heart was bursting with love-ache* (букв. ‘боль’)
Мое сердце разрывалось от любви и тоски;
- (55) *He succeeded in thoroughly enmeshing me and my thrashing anguish in his demoniacal game* (букв. ‘сильная боль, мучение, страдание’)
Ему удалось демонической сетью окончательно опутать меня и мою извивающуюся, бьющуюся тоску;
- (56) *Somber, sad, full of world-weariness...* (букв. ‘усталость, скука’)
Сумрачно, грустно, с налетом мировой тоски...

Однако, если мы сравним не отдельные слова, которые могут действительно очень сильно различаться в разных языках по тем наборам смыслов, которые они содержат, а ‘грусть’ как целый кластер, мы увидим, что английский и русский языки концептуализуют достаточно схожие разновидности этого типа эмоций.

В кластер ‘грусть’ входят эмоции, объединяемые идеей того, что произошло что-то плохое, и это вызывает ощущение собственного бессилия.

В обоих языках представлен нейтральный общий тип ‘грусти’ – лексемой *sad* и ее дериватами в английском языке, лексемой *грусть* и ее дериватами (особенно предикативом *грустно*) в русском. Хотя слова *sad* ‘грустный’ и *грустно* обладают наиболее общим значением, из этого не следует, что они могут использоваться в качестве гиперонимов ко всем остальным языковым единицам, обозначающим разные оттенки данного типа эмоции. *Sad* и *грустно* в самом общем виде указывают на обстоятельства, вызывающие чувство:

- (57) *X-y грустно, X feels sad* ‘произошло что-то плохое; X ничего не может сделать; X чувствует что-то плохое’.

Эти слова и их производные покрывают весьма широкое поле оттенков ‘грусти’ – от кратковременных эмоций, вызванных какими-то не слишком серьезными стимулами, до более глубоких чувств, вызванных важными стимулами, от событий, задевающих самого экспириенсера, до ситуаций, не касающихся его лично; ср.:

- (58a) *Мне грустно, что меня никто никуда не пригласил в выходные;*
(58б) *I'm sad because I have no date for the weekend;*
(59a) *Мне грустно, что мы никогда больше не увидимся;*
(59б) *I'm sad that we'll never see each other again;*
(60a) *Грустно, что страна идет в таком направлении;*
(60б) *It's sad that the country is heading in this direction.*

Однако все-таки эти слова покрывают не весь спектр оттенков ‘грусти’; в тех случаях, когда описывается глубокое чувство, вызванное какими-то тяжелыми и непоправимыми потерями, затрагивающими лично экспириенсера, они не употребляются; ср. прагматическую странность:

- (61a) [?]*Ему было грустно, что у его ребенка обнаружили неизлечимую болезнь;*
(61б) [?]*He was sad that his child was diagnosed with an incurable disease.*

Оба эти слова могут также обозначать чувство, которое возникло без какого-то реального стимула. Таким образом, в обоих языках отражено представление о беспричинной 'грусти' – или, по крайней мере, такой, причина которой либо не осознается экспериенсером, либо не является объективно достаточной:

(62a) *Почему-то было очень грустно;*

(62b) *I felt sad, I didn't know why;*

(63a) *В дождь мне всегда грустно;*

(63b) *Rainy weather makes me sad.*

У английского *sad* есть близкий синоним *unhappy* 'грустный, невеселый, несчастный', который обычно не употребляется в случаях, когда эмоция не вызвана какой-то внешней или внутренней, психологической причиной; ср. нормальность (64a) vs. странность (64b):

(64a) *After they broke up, he was feeling very unhappy*

'Он очень грустил после их разрыва';

(64b) *??Rainy weather makes me unhappy*

'??Я становлюсь несчастным от дождливой погоды'.

Таким образом, беспричинная 'грусть' может выражаться далеко не всеми словами, входящими в этот кластер; однако в обоих языках есть и специальные средства для выражения 'грусти' преимущественно как настроения, эмоционального состояния, беспричинного или вызванного неизвестной или недостаточной причиной (см. ниже).

Каждая часть основного трехкомпонентного сценария 'грусти' (а именно, 'произошло что-то плохое; X ничего не может сделать; X чувствует что-то плохое') может модифицироваться, отражая многочисленные оттенки этой эмоции.

Чем более серьезно и непоправимо плохое событие, тем глубже, острее и безнадежнее чувство, вызываемое им. Следующая стадия 'грусти' по степени серьезности стимула – это *печаль* и *sorrow*. Это более глубокий и длительный вид 'грусти', вызываемый обычно какой-то серьезной потерей (например, потерей близкого человека) и сопровождаемый более сильными проявлениями, чем *грустно* и *sad*: *По окончании годичного траура бабушка оправилась несколько от печали, поразившей её* (Л.Н. Толстой «Отрочество»); *умирать от печали*; *Сердце разрывается от печали*; *to cry with sorrow* 'плакать от печали'; *My sorrow would blacken the bluest sky* 'От моей печали самое голубое небо почернело бы' (Д. Уоллас «Плач на смерть моей второй жены»).

Чувство *печали* может быть и светлым, сопряженным с какими-то, если и не приятными, то хорошими эмоциями: *любовь и печаль, печаль и смирение; love and sorrow, sorrow and acceptance*. При этом в целом просветленность, поэтичность (ср. знаменитое *Печаль моя светла*) и принятие ситуации свойственны русской *печали* в большей степени, чем английской *sorrow*, которая может быть очень болезненным, непримиримым и мрачным чувством: *black <dark> sorrow* 'черная <темная> печаль', *painful sorrow* 'болезненная печаль', *desperate sorrow* 'отчаянная печаль'; ср., впрочем, известную поговорку *Parting is such sweet sorrow* 'Разлука – это сладкая печаль'.

В отличие от *печали* и подобно русской *скорби*, *sorrow* может быть коллективным чувством:

(65) *The Israeli government has expressed its great sorrow at the incident* (COCA)

'Израильское правительство выразило свою **скорбь** по поводу этого события'.

В отличие от английской *sorrow*, русская *печаль* никогда не используется эвфемистически, в контекстах, подразумевающих скорее *сожаление*:

(66) *Blair admits to 'deep sorrow' over slavery – but no apology* (BBC news, Monday, 27 November 2006)

'Блэр признает, что испытывает **сожаление** по поводу рабства – но извинений не приносит'.

Семантически этот тип 'грусти' эксплицируется следующим образом:

- (67) 'произошло что-то очень плохое; X ничего не может сделать; X чувствует что-то очень плохое'.

Следующая степень 'грусти' – это *gore* и *grief*, эмоция, вызываемая потерей кого-то любимого, обычно чьей-то смертью: *Он в горе после смерти жены; He is in grief over his wife's death.*

И в английском, и в русском *gore* концептуализуется как очень сильная, острая, глубокая, часто неконтролируемая и временами деструктивная эмоция: *быть вне себя от горя, умирать от горя, быть раздавленным горем; to be prostrate with grief* 'быть сломленным горем', *to die with grief* 'умирать от горя', *crushed by grief* 'быть раздавленным горем'. Хотя *gore* и *grief* очень похожи, между ними есть и различия; в соответствии с общей англоязычной установкой на большую контролируемость эмоций (возможно, вызванную проникновением психоанализа в массовую культуру), *grief* представляется как нечто более управляемое и преодолимое, чем русское *горе*; ср. *grief management* 'управление горем', *the stages of grief* 'стадии горя', для которых нет адекватных русских эквивалентов:

- (68) *On Thursdays she attends grief management classes in anticipation of casualties and deaths*
'По четвергам она посещает занятия по управлению горем в преддверии жертв и смертей' (СОСА).

И *gore*, и *grief* могут быть коллективными эмоциями, ср.: *всенародное горе, the country's grief*.

Этот тип 'грусти' эксплицируется следующим образом:

- (69) 'X потерял кого-то, кого он(а) любил(а); X ничего не может сделать; X не может думать ни о чем другом; X чувствует что-то очень плохое'.

В обоих языках также концептуализована менее личная 'грусть', которая не предполагает глубокой эмоциональной травмы, но, скорее, представляет собой более поверхностное плохое настроение, возникшее на почве разочарований и потерь не слишком серьезного характера. Этот подтип 'грусти' выражается русскими *расстроиться, огорчиться* и английским *to be upset*; ср.: *Она расстроилась, что он забыл ей позвонить; Если что-то сразу не получается – не стоит огорчаться; He was a bit upset that his car was dented* 'Он немного расстроился, что его машину поцарапали'; *The girl was upset by the results of the test* 'Девочка расстроилась из-за результатов экзамена'. Этот тип 'грусти' эксплицируется следующим образом:

- (70) 'произошло что-то плохое или не произошло что-то хорошее, чего ожидал X; X ничего не может сделать; X чувствует что-то плохое'.

В обоих языках есть тип 'грусти', связанный с чувством безнадежности, неверия в то, что может произойти что-то хорошее. В обоих языках этот тип 'грусти' может ассоциироваться и с каким-то конкретным стимулом, и с общим «депрессивным» настроением экспериенсера. В русском это *уныние*, в английском – *despondent, dejected, wretched*¹.

¹ То, что для русского языка приводится существительное, а для английского – прилагательные, не случайно; в английском языке, как хорошо известно [Вежицкая 1996], именно прилагательные формируют основное ядро лексических средств выражения эмоций, в то время как в русском основные средства выражения эмоциональных состояний – это глаголы, существительные и предикативные прилагательные в конструкции с дательным падежом (*мне грустно*). Прилагательные, употребляющиеся в атрибутивной функции (такие как *унылый*), описывают не внутренние состояния, а их внешние проявления в мимике, жестах, поведении: *унылый вид, унылый взгляд* – 'такой, какой бывает, когда человек испытывает уныние'.

Как можно ожидать, исходя из общего соотношения между русским и английским языками, в последнем отражена существенно большая детализация чувства, чем в русском. *Despondent* ‘мрачный, унылый, отчаявшийся, подавленный’ выделяет в первую очередь компонент беспомощности, ощущения тупика и невозможности найти выход, *dejected* ‘унылый, удрученный, подавленный, грустный, печальный’ акцентирует внимание на чувстве усталости, «побежденности» у экспериенсера, который как бы махнул на все рукой, а *wretched* ‘печальный, унылый, грустный, жалкий, несчастный’ указывает на чувство жалости, которое экспериенсер может вызывать у наблюдателя. Ср.:

- (71) *Despondent over losing his job, he committed suicide*
 ‘В отчаянии от потери работы он покончил с собой’;
 (72) *He’s just sitting there, a dejected beaten man*
 ‘Он просто сидит там, подавленный побежденный человек’;
 (73) *He decided to help that wretched woman whom everybody seemed to hate*
 ‘Он решил помочь несчастной женщине, которую, казалось, все ненавидели’.

Этот тип ‘грусти’ эксплицируется следующим образом:

- (74) ‘произошло что-то плохое; X ничего не может сделать; X чувствует, что ничего хорошего не может произойти; X чувствует что-то очень плохое’.

Что касается основного кандидата на этноспецифичность, русской *тоски*, то если мы рассмотрим ее в контексте всей системы кластера ‘грусть’, то увидим, что это не такая и необычная эмоция. В обоих языках на концептуальных картах ‘грусти’ есть место для «необъяснимой» эмоции, точнее, даже не эмоции, а настроения, которое может неожиданно «находить» на человека, часто без какой бы то ни было внешней мотивации; ср. выражения: *впасть в тоску, быть в тоске* и их английские корреляты *to have the blues on smb.; I have the blues on me* ‘У меня тоска’, букв. ‘Я имею на себе тоску’. В русском языке такую беспричинную эмоцию обычно выражает слово *тоска*, а также *грусть*², в английском – *blues* ‘хандра, тоска, меланхолия’ и *sadness*³. Если *тоска* считается одним из ключевых слов русской культуры, то и *blues*, ассоциируясь с целым музыкальным направлением, занимает немаловажное место в американской культуре и в культуре вообще.

Таким образом, основные слова, заполняющие этот участок на концептуальной карте ‘грусти’, – это *тоска*, а также глагол *тосковать*, и *blues*, значения которых, разумеется, далеко не полностью совпадают, однако имеют достаточные пересечения для того, чтобы утверждать, что эмоция немотивированной грусти не является уникальной для русского языкового сознания.

Тоска и *blues* не обязательно беспричинны; оба чувства могут вызываться какими-то плохими событиями; например, человек может испытывать *тоску* или *blues* после разрыва с любимым, т. е. обозначать собственно эмоцию как реакцию на стимул. Эти чувства также могут навеваться окружающей обстановкой, безрадостной или однообразной. Ср.:

- (75a) *Этот постоянный дождь <этот уродливый индустриальный пейзаж> наводит тоску;*
 (75b) *This perpetual rain <this ugly industrial landscape> gives me the blues.*

² Этот список можно продолжить и другими единицами: поэт. *грусть-тоска*, книжн. *хандра*, книжн. *меланхолия*, однако здесь нас в первую очередь интересуют наиболее живые и частотные слова современного языка.

³ В английском существует еще большее число слов, способных выражать этот тип ‘грусти’, однако большая их часть также неупотребительна, устарела (устар. *spleen* ‘хандра’) или относится к книжному регистру (книжн. *melancholy*).

У *тоски* и *blues* есть и другие общие характеристики, помимо способности появляться беспричинно или под воздействием угнетающей, мрачной, унылой, однообразной обстановки. Сама природа чувства в этих двух эмоциях до какой-то степени сближается; так, и *тоска* и *blues* могут указывать на подавленность, отсутствие жизненной энергии и желания жить, безверие и безнадежность. Ср.: *безнадежная* <черная, отчаянная> *тоска* и *hopeless* <*black, desperate*> *blues*; *Страстная жажда такого друга сопровождалась по временам приступами такой отчаянной тоски, что я выходил на улицу совсем как пьяный, в этом состоянии меня тянуло нечаянно броситься под трамвай* (М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина); *И так становятся понятными те вопли отчаянной тоски и падения веры в свое дело, которыми полны интимные письма сильнейших представителей науки* (В.В. Вересаев).

При этом *тоска* в целом описывает более сильное и острое чувство, чем *blues*. Если *blues* – это достаточно ровная эмоция, без особых всплесков, подобная постоянной тупой боли или же душевному оцепенению и онемению, или, выражаясь еще более метафорически, серому беспросветному дню, то *тоска* может переживаться намного более сильно и остро. *Blues* не может быть *violent* ‘сильной, страстной’, не требует постоянных проявлений в поведении и выражается скорее в апатии и отсутствии интереса к окружающему; *тоска*, напротив, часто бывает *жгучей* и *острой*. Мрачность *тоски* подчеркивается и ее цветовой символикой: *черная* <*беспросветная*> *тоска*.

Хотя *тоска*, особенно беспричинная или вызванная безрадостным окружением, тоже часто ассоциируется с монотонностью и серой беспросветностью (что сближает ее со *скукой*), в некоторых случаях она бывает очень сильным, страстным и болезненным чувством, особенно если она вызвана какими-то плохими событиями. В этих случаях *тоска* может иметь самые разные, часто самодеструктивные проявления в физиологии и поведении: *сохнуть* <*умирать*> *от тоски*, *запить с тоски*, *повеситься с тоски*, что невозможно для *blues*. Хотя *blues* тоже может вызываться плохими событиями (например, разрывом с любимым человеком), однако даже в этих случаях природа чувства и его характеристики отличаются от того, что предполагается *тоской*.

Перечисленные прототипические ситуации возникновения (беспричинно; под воздействием угнетающей, мрачной, унылой, беспросветной, однообразной обстановки; в результате какого-то плохого события) не исчерпывают всех возможных сценариев возникновения этих эмоций. Они лишь характеризуют зону их пересечения.

Тоска, слово с очень богатым значением, может описывать ряд самых разных ситуаций и оттенков эмоции; ср.: *тоска* <*тосковать*> *по любимому* <*по детям*>, где в фокусе внимания находится компонент ‘не хватает любимого человека’, чему в английском соответствует не *blues*, а *longing* и *yearning*; *тоска* <*тосковать*> *по родине* <*по дому*> ‘не хватает любимого места’, чему в английском соответствует не *blues*, а скорее *homesickness*. Ср., впрочем, *homesick blues*, что, по-видимому, является вполне точным соответствием выражению *тоска по родине*.

Разброс употреблений слова *тоска* очень велик, и, безусловно, каждое употребление характеризуется собственными сочетаемостными и конструктивными свойствами; так, *сохнут* обычно от *любви*, *тоска по родине* не бывает **беспросветной*, а конструкция *тосковать по кому-л.* <*чему-л.*> возможна только для *тоски*-‘ностальгии’, которая вызывается разлукой с объектом чувства. Однако все эти употребления отражают некоторый общий аффективный компонент, благодаря чему их можно объединить в одно значение. Этот компонент присутствует также в значении слова *blues* и сводится к ощущению безнадежности и подавленности, что сближает обе эти эмоции с *depression*. Это в большей степени характерно для слова *blues*, которое даже употребляется терминологически, например, в выражениях типа *baby blues*, *postpartum blues* ‘послеродовая депрессия’; *Judy Downie talked to her family doctor about feeling blue during the early months of her son's life* ‘Джуди Дауни говорила со своим семейным доктором о депрессии, которая у нее была в первые месяцы жизни ее сына’.

Предлагаемое ниже определение не является ни определением собственно *тоски* (которая была блестяще описана Анной Вежицкой в работе [Wierzbicka 1990]), ни эмо-

ции *blues*, но их пересечением, тем общим, что у них есть, и таким образом, представляет собой некую «болванку» эмоционального подтипа потенциально беспричинной ‘грусти’, на которую каждый язык «наращивает» свои специфические особенности. Это пересечение эксплицируется следующим образом:

- (76) ‘X ничего не хочет и не может делать; X чувствует, что ничего хорошего не может произойти; X чувствует что-то очень плохое; X чувствует так либо без причины, либо потому, что он не может быть с теми, с кем ему хорошо, или там, где ему хорошо, или потому, что с ним не происходит ничего хорошего’.

Завершают картину ‘грусти’ ее «клинические» подтипы *depression* и *депрессия*. Подобно тому, как это происходит со ‘страхом’, чрезмерные формы немотивированной ‘грусти’ воспринимаются не просто как отклоняющиеся от нормы, но как болезненные. Хотя основной круг контекстов употребления этих слов терминологический, однако они широко употребляются и в повседневной речи как обозначение плохого настроения (возможно, беспричинного), наравне со сленговым русским *депрессняк* (*Опять депресняк накатил*) и разговорным английским *to feel low: I'm feeling kinda low today* ‘У меня сегодня что-то плохое настроение’.

Суммируя сказанное, отметим, что хотя индивидуальные различия между словами в двух языках могут быть ожидаемо значительными, в целом «концептуальные карты» ‘грусти’ в русском и английском различаются не столь уж сильно, а именно, можно выделить сходные подтипы ‘грусти’. В целом, как и в случае многих других эмоций, в английском языке концептуальное поле заполнено большим количеством слов, чем в русском. Специфика кластера ‘грусть’ в русском языке состоит в том, что принадлежащее ему слово *тоска* является на самом деле пограничным термином, покрывающим территории трех кластеров: ‘грусть’, ‘скука’, ‘ностальгия’ (‘ощущение нехватки отсутствующего человека или объекта’), в то время как в остальных рассмотренных кластерах пограничные эмоции типичны скорее для английского.

2.3.4. Кластер ‘радость’ в русском и английском языках

С лингвистической точки зрения ‘грусть’ и ‘радость’ представляются антонимичными; ср. прототипические ситуации возникновения эмоций *грустно* и *sad*, с одной стороны, и *рад* и *glad*, с другой:

- (77a) *X feels sad*, *X-у грустно* = ‘произошло что-то плохое; X ничего не может сделать; X чувствует что-то плохое’

vs.

- (77b) *X is happy*, *X рад* = ‘произошло что-то хорошее; X чувствует что-то хорошее’.

Из-за антонимичности концептов было бы естественно ожидать, наряду с очевидными различиями, также и определенного сходства в лингвистическом устройстве кластеров ‘грусть’ и ‘радость’, как это обычно свойственно семантически близким классам слов, таким как синонимы и антонимы (хотя антонимам, безусловно, в меньшей степени). Однако в отличие от многих других антонимичных рядов (ср., например, параллелизм многих лингвистических свойств у антонимичных глаголов передвижения типа *войти/выйти*), антонимичные эмоциональные кластеры типа ‘грусть’ – ‘радость’, ‘стыд’ – ‘гордость’ устроены по-разному. По-видимому, устройство эмоциональных кластеров в большей степени определяется психологическими свойствами соответствующих эмоций, нежели чисто лингвистическими факторами. Так, скажем, с нейропсихологической точки зрения между страхом и отвращением мало общего – они «локализованы» в разных частях мозга и физиологически также очень различно проявляются. При этом лингвистически они во многом близки: при разной метафорической концептуализации

(которая в большой степени отражает разницу в их физиологических проявлениях) в толкованиях лексики 'страха' и 'отвращения' есть значительная пересекающаяся часть, так как слова обоих кластеров описывают нежелание контакта с некоторым объектом и попытку избежать его.

Тем не менее, между кластерами 'радость' и 'грусть' существуют некоторые пересечения. Оба кластера четко структурированы в соответствии с серьезностью, масштабностью стимула и интенсивностью, длительностью чувства, при этом между первым и вторым нет обязательной корреляции.

В обоих языках выделяется несколько типов радости. Самый общий тип 'радости' выражается в русском языке словами *радость* и *радостно*, в некоторой степени глаголом *радоваться* (хотя он также указывает на внешние проявления чувства) и прилагательным *рад*, а в английском – существительным *joy* 'радость' и прилагательным *happy* 'радостный, счастливый'. Последнее семантически ближе русскому прилагательному *рад* (или *счастлив* в речевых контекстах типа *Я счастлив вас видеть*), чем к обозначающему гораздо более глубокую и серьезную эмоцию прилагательному *счастливый*.

Этот тип 'радости' может вызываться любыми стимулами, а также может возникать беспричинно; эта 'радость' может быть как сильной, так и слабой, может быть благожелательной и недоброжелательной, может вызываться личными причинами или испытываться «за» другого человека: *радость от любого пустяка* и *joy at mere trifle*; *радость первой любви* и *joy of the first love*; *мимолетная радость* и *fleeting joy*; *глубокая радость* и *profound joy*; *радость за друга* и *joy for one's friend*; *злая радость* и *malicious joy*; *Глаза светятся радостью* и *One's eyes are alight with joy*; *Глаза горели злобной радостью* и *One's eyes are blazing with vicious joy*.

Ср. также *I'm happy that my exams are over* и *Я рада, что у меня закончились экзамены* (незначительный стимул); *When she finally agreed to marry him, his joy knew no limits* и *Когда она наконец-то согласилась выйти за него замуж, его радость была безгранична* (значительный стимул); *I feel happy today* и *Сегодня радостно на душе* (стимула нет). Этот тип 'радости' эксплицируется следующим образом:

(78) 'X чувствует что-то очень хорошее, обычно потому, что произошло что-то очень хорошее'⁴.

Следующий подтип 'радости' – это умеренная радость от хороших, но не слишком значительных событий. Она выражается кратким прилагательным *рад* в русском языке и прилагательным *glad* в английском: *Я рад, что вы пришли* и *I'm glad you could come*, но не ^{??}*Он был рад, что его сын выжил* и ^{??}*He was glad his son has survived*. Эта 'радость' не бывает беспричинной (ср. невозможность **Я почему-то рад*; **I'm glad, I don't know why*) и эксплицируется следующим образом:

(79) 'произошло что-то очень хорошее; X чувствует что-то очень хорошее'.

Есть еще одна разновидность умеренной 'радости', в которой доля чувства невелика, однако присутствует рациональное удовлетворение от достижения некоторых целей или исполнения планов и ожиданий. Она выражается словами *удовлетворение, доволен, satisfaction, content, pleased*. Поскольку доля чувства в этих состояниях невелика, они не употребляются в ситуациях, предполагающих эмоциональную реакцию; ср. странность:

(80а) ^{??}*Я удовлетворен, что она согласилась выйти за меня замуж*;

(80б) ^{??}*I'm satisfied she agreed to marry me*.

⁴ Этот элемент является факультативным, возможно, он имеет статус слабого смысла, так как *радость, happy* и прочие состояния этого подтипа 'радости' могут быть беспричинными. Указание на беспричинность не включается, однако, в толкование в виде дизъюнкции, в отличие от того, как это делалось для *тоски* и *blues*, так как прототипическая *радость* все-таки имеет причину, в отличие от прототипической *тоски*, которая ближе к настроениям и чаще бывает беспричинной.

Эти фразы были бы уместны только в том случае, если бы говорящий планировал брак по расчету. Однако стимул для такого рода ‘радости’ может быть и весьма значительным; ср.:

- (81a) *Обе стороны удовлетворены ходом мирных переговоров;*
(81b) *Both parties are satisfied with the peace talks.*

Это чувство эксплицируется следующим образом:

- (82) ‘Произошло нечто, чего хотел X; X думает, что это хорошо; X чувствует что-то хорошее от этого’.

Комбинация достигнутых целей и сильного чувства составляет еще один подтип ‘радости’, выражаемый словами *ликовать* и *glee* ‘ликование’, *gleeful* ‘ликующий’. Интенсивность чувства так велика, что экспериенсер не может ее сдержать; соответственно, все эти слова указывают не только на чувство, но и на его внешние проявления; ср. *громко ликовать*, *loud glee* ‘громкое ликование’.

Это чувство эксплицируется следующим образом:

- (83) ‘Произошло нечто, чего очень хотел X; X чувствует что-то очень хорошее от этого; X не может скрыть, что он чувствует’.

Когда человек достигает всего, чего он хотел и о чем он мечтал, так что даже не остается простора для дальнейших желаний, он испытывает *счастье* или *happiness* (прилагательные *счастливый* и *happy* также могут использоваться для выражения этой эмоции). По очевидным причинам это самое длительное из эмоциональных состояний в кластере ‘радость’ (см. об этой эмоции [Wierzbicka 1999: 51–54]). Это чувство эксплицируется следующим образом:

- (84) ‘Произошло нечто, чего очень хотел X; X чувствует что-то очень хорошее от этого; в этот момент X не хочет ничего другого’.

Счастье и *happiness* не вечны, но, в отличие от других эмоциональных состояний этого кластера, могут быть долгими; ср.: *Все эти годы они были счастливы* и *They have been happy all those years*, при странности ??*Все эти годы они были рады* <довольны>, ??*All those years they have been glad* <content>.

Высшая форма счастья – *блаженство*, *bliss* – эмоциональное состояние, настолько полное и совершенное, что оно редко возникает в обычных условиях земного существования; ср.: *райское блаженство*, *the bliss of paradise*. Для слов *блаженство* и *bliss* возможно и ослабленное употребление; ср.: *Наевшись, я ощутил полное блаженство*; *physical bliss* ‘физическое блаженство’, однако и в ослабленных употреблениях они характеризуют состояния полного удовлетворения, поскольку ничто лучшее невозможно; ср. экспликацию этого типа эмоции:

- (85) ‘Произошло все, чего хотел X; от этого X чувствует что-то такое хорошее, что невозможно чувствовать что-то лучшее; в этот момент у X-а есть все, чего он может хотеть’.

В обоих языках представлен тип злобной ‘радости’: *злорадство* и *gloating*. Неудивительно, что оба слова указывают на отрицательную оценку чувства говорящим.

Этот тип ‘радости’ эксплицируется следующим образом:

- (86) ‘С человеком Y произошло что-то плохое; от этого X чувствует что-то хорошее; говорящий думает, что это плохо’.

Злорадство и *gloating* отличаются от прочих типов ‘радости’ не только тем, что вызываются плохим событием, но и тем, что они персонализированы, направлены на ка-

кого-то конкретного человека или людей. Если *радость*, *довольство*, *удовлетворение*, *блаженство* могут вызываться любыми событиями, даже не связанными с конкретным человеком или людьми (ср.: *радость по поводу окончания экономического кризиса*), то *злорадство* и *gloating* в первую очередь предполагают личную неприязнь к какому-то человеку или группе людей и, соответственно, радость по поводу несчастья этого человека или людей; ср. странность *'злорадство по поводу глобального потепления*, при том, что возможно *злорадство по поводу взрыва башен в Нью-Йорке*.

В обоих языках представлена 'радость'-веселье. Стимулом к этому чувству служат не просто хорошие события, а забавные, интересные, смешные события, которые вызывают смех и хорошее настроение. В английском есть несколько выражений, покрывающих данную часть концептуальной карты 'радости' – это *mirth* 'веселье, радость', *cheer* 'веселье', *merry* 'веселый, радостный', *fun* 'веселье' и их дериваты; в русском этот смысл выражается безличным предикативом *весело*, прилагательным *веселый*, существительным *веселье*, глаголом *веселиться*. Внутри этого подтипа 'радости' существуют определенные градации: так, русские *весело*, *веселье* и английские *mirth*, *cheer* и *merry* выражают скорее настроение, чем эмоцию, и в этом качестве не требуют мотивации и стимула; ср.: *Просто мне весело; беспричинное веселье; Today, I'm cheerful; causeless mirth*. Английские *cheer* и его дериваты подчеркивают хорошее настроение, готовность радоваться и смеяться, в то время как *mirth* скорее подчеркивает внешние аспекты такого настроения – смех, часто неконтролируемый; ср.: *a fit of mirth* 'приступ веселья'. *Unmotivated, causeless mirth* 'беспричинное веселье' может даже временами оцениваться как что-то, выходящее за грань нормы и не вполне здоровое, тогда как *cheer* обычно оценивается положительно.

Веселье и *merriment* соединяют оба аспекта: и легкое, беззаботное чувство, и связанное с ним поведение – смех и оживление.

Этот тип 'радости' эксплицируется следующим образом:

(87) 'X чувствует что-то хорошее; X хочет смеяться'.

В этом подтипе эмоции 'радость' есть один специфический концепт – *fun*, для которого в русском языке существует несколько переводов, каждый из которых акцентирует какой-то один аспект этого семантически сложного слова: *весело, забавно, интересно*. Эти слова, однако, не исчерпывают смысла слова *fun*, основные ситуации употребления которого в выражениях типа *to be fun, to have fun, It's fun <He's fun>, a fun thing <person>, for the fun of it* можно суммировать следующим образом:

– человек испытывает *fun*, когда он наблюдает или делает что-то интересное; в этом отношении *fun* противопоставлен *boredom* 'скуке' и напоминает русские *забавно, интересно: He's fun, This film was fun;*

– человек испытывает *fun*, когда он делает что-то смешное или веселое; в этом отношении *fun* напоминает русское *веселье* или *кайф: We had a lot of fun vs. Мы славно повеселились, Мы словили кайф.*

Fun предполагает легкое, простое, не слишком серьезное и глубокое отношение к ситуации; поэтому, например, политическая сатира, хотя она может быть *funny* 'смешной' или *hilarious* 'очень смешной', не может быть описана как *fun*; счастливая встреча после долгой разлуки может вызвать *веселье, cheer, merriment*, но не вызовет ощущение *fun*, поскольку предполагает глубокие чувства, несовместимые с легкомысленным и поверхностным чувством *fun*. Хотя слово *fun* не является абсолютно непереводаемым, тем не менее это весьма специфический концепт, который нелегко передать средствами другого языка. Поэтому, в частности, это слово часто вводится русскими эмигрантами, а также интернет-пользователями в русскую речь, чтобы заполнить явно существующую в русской концептуальной карте 'радости' лауну; ср.: *He советую этот сайт – много фана не получишь.*

В английском есть еще один тип 'радости', который не имеет близкого коррелята в русском, а именно *excitement* 'возбуждение', *excited* 'возбужденный'. Хотя эти слова

могут описывать любое нервное возбуждение и волнение, в том числе неприятное, однако у них, особенно у прилагательного *excited*, безусловно, есть очень распространенное употребление, в котором они указывают на положительную эмоцию:

- (88) *I'm so excited to get this role*
'Я очень рада, что получила эту роль';
(89) *The kids are excited about going to the Disney World*
'Дети в восторге от предполагаемой поездки в Диснейленд'.

Ее можно охарактеризовать как радостное возбуждение, часто слегка нетерпеливое предвкушение чего-то приятного, или же радость и волнение по поводу чего-то хорошего, что уже произошло, смешанное с ожиданием дальнейших приятных событий:

- (90) *I'm excited that he came*
'Я рада, что он приехал'.

Это чувство может быть эксплицировано следующим образом:

- (91) 'Произошло или произойдет что-то хорошее; X волнуется и чувствует что-то хорошее от этого'.

В русском языке не существует синтетического способа выражения подобной эмоции и требуется прибегать к комбинациям слов, чтобы ее выразить; ср.: *радостное возбуждение, радостное волнение*, которые далеко не так распространены и употребительны, как практически клишированное английское *excited*.

В обоих языках есть заимствованный концепт *euphoria*, или *эйфория*, обозначающий чрезмерную и поэтому слегка негативно оцениваемую степень чувства. Хотя в случае 'страха', 'гнева', 'гордости', 'обиды', 'грусти' чрезмерная степень чувства оценивается еще более негативно, однако и эйфория, являясь слишком сильной, не всегда обоснованной эмоцией, лишаящей человека способности здраво и объективно мыслить, представляет негативный полюс в кластере 'радость'.

Общее различие между английским и русским языками заметно и на примере кластера 'радость': безличные предикативы типа *весело* и *радостно* выражают внутреннее состояние, глаголы типа *веселиться* и *радоваться* указывают на внешние проявления эмоций; ср.: *безудержно веселиться, бурно ликовать, шумно радоваться*. В английском аналогичных глаголов нет, соответствующие смыслы выражаются комбинациями слов; ср.: *to make merry, to be having fun* 'веселиться', *to have unrestrained fun, to lark about* 'безудержно веселиться', *to express one's joy noisily* 'шумно радоваться', *to be boisterously gleeful, to express one's glee exuberantly* 'бурно ликовать'.

В целом концептуальные карты 'радости' в русском и английском языках сильно пересекаются, однако некоторые существенные элементы спектра 'радости' различаются, в частности, в русском не представлены важные концепты поверхностной легкой 'радости' (*fun*) и 'радости'-возбуждения (*excited*).

2.3.5. Кластер 'отвращение' в русском и английском языках

Хотя 'отвращение' стоит особняком среди прочих эмоций и с нейропсихологической, и с лингвистической точки зрения, в устройстве кластера 'отвращение' просматриваются некоторые общие для всех групп эмоций семантические тенденции. А именно, как и у всех остальных эмоций, в кластере 'отвращение' представлено различие по интенсивности. В обоих языках отражена «нейтральная», естественная степень 'отвращения'. Ср. «умеренное» чувство, выражаемое словами *отвращение, disgust, distaste, aversion* и очень сильное чувство, выражаемое словами *омерзение, revulsion, repulsion, abhorrence, loathing*.

‘Отвращение’ – одна из наиболее четко локализованных в мозгу эмоций, ее локусом считается инсула. ‘Отвращение’ также имеет одну из наиболее четко идентифицируемых эволюционных функций, а именно, оно предполагает попытку избежать контакта с теми объектами, которые воспринимаются как несъедобные, заразные или способные каким-то иным образом повредить экспериенсеру. Физиологически ‘отвращение’ также имеет явные и специфичные проявления: вызывает тошноту или рвоту и ассоциируется с определенными гримасами, например, сморщиванием лица. Физиология ‘отвращения’ тесно связана с его эволюционной функцией, как, впрочем, и физиология ‘страха’ и ‘гнева’ [Ekman 1999]. Психологи различают два типа ‘отвращения’: моральное и физическое, которые, впрочем, не различаются с нейрологической точки зрения, поскольку имеют одинаковую локализацию [Calder et al. 2001]. Однако в любом случае, типов ‘отвращения’ намного меньше, чем типов других базовых эмоций, а именно, ‘страха’, ‘радости’, ‘грусти’, ‘гнева’, да и не только базовых (как показано ниже, ‘стыд’, ‘обида’, ‘жалость’ также представлены намного большим количеством типов), и язык это отражает.

В некотором смысле, язык (как и мозг) не различает физическое и моральное отвращение: во всяком случае, ни в русском, ни в английском нет специализированной лексики для того или иного типа ‘отвращения’. Все метафорические способы выражения морального отвращения основаны на реальных проявлениях физиологического отвращения; ср.: *Меня от этого человека мутит, Меня тошнит от его поведения* и *This person makes me sick, I find his behavior nauseating*. Кроме того, все слова со значением ‘отвращения’ могут использоваться для описания чувства, вызываемого как физическими, так и моральными стимулами, то есть чувства собственно физического, ощущения тошноты, и чувства морального, не связанного с физиологическими проявлениями; ср.: *отвратительный человек* и *disgusting person* vs. *отвратительная еда* и *disgusting food*. Эта полисемия пронизывает весь кластер ‘отвращение’; ср., например, каузацию ‘отвращения’: и физически, и морально отвратительные объекты могут быть охарактеризованы как *тошнотворный, гадкий, revolting, sickening, unpalatable*.

Омерзение и *отвращение* несколько чаще появляются в «моральных» контекстах; так, в 100 случайно отобранных примерах из НКРЯ в 65 речь шла о моральном *отвращении* <омерзении> и только в 35 – о физическом. *Гадливость*, которая на первый взгляд описывает скорее физическое чувство, также в реальном употреблении чаще встречается в «моральных» контекстах, хотя и в немного другом соотношении: 40 «физических» контекстов к 60 «моральным» из ста. Однако, поскольку на основе корпусных данных можно сказать, что «моральное» отвращение в целом преобладает над «физическим» по частоте употреблений, то невозможно делать никаких выводов о специализации тех или иных слов для выражения того или иного вида ‘отвращения’ – все слова полисемичны или, что еще более вероятно, не выделяют эти два вида ‘отвращения’ в отдельные значения.

Английский язык на первый взгляд кажется несколько более специализированным в отношении этого разграничения, ср. например, слово *distaste*, которое, по крайней мере, этимологически, указывает на физиологическое ощущение от неприятного вкуса, и слово *repugnance*, которое ассоциируется с моральным отвращением. Однако и словарные [НБАРС], и корпусные (BNC, COCA) данные указывают на то, что для обоих слов возможны и «моральные», и «физические» контексты, причем первые, хотя и в разной пропорции, предпочтительны для обоих. Таким образом, представляется, что семантическая структура всех слов со значением ‘отвращения’ включает указание на оба компонента – физический и моральный. Ее можно эксплицировать следующим образом:

- (92) ‘Х думает, что Y очень неприятный на вкус или на ощупь, или обладает очень неприятным запахом, или очень грязный, или очень плохой; X не хочет быть в контакте с Y-ом; когда X в контакте с Y-ом, X чувствует что-то очень плохое; X может чувствовать тошноту, когда он в контакте с Y-ом’.

Несмотря на большое сходство концептуальных карт ‘отвращения’ в русском и английском языках, английское ‘отвращение’ тем не менее более разнообразно. Как и другие эмоциональные кластеры в английском, ‘отвращение’ богато пограничными терминами; ср. ‘отвращение’, смешанное со ‘страхом’ – *creepy* ‘вызывающий гадливость или ужас’, сильное ‘отвращение’, смешанное с ‘ненавистью’ – *to abhor, to loathe, to detest* ‘ненавидеть, питать отвращение’. В русском таких пограничных терминов нет. Кроме того, в английском есть специальный термин для болезненной формы ‘отвращения’ – *aversion*, который наряду с нейтральными употреблениями используется и для выражения нездорового неприятия, отвращения, особенно к еде; ср.: *food aversion* ‘отказ от приема пищи, неприятие пищи’.

Интересно, что в обоих языках отсутствие некоторого здорового количества ‘отвращения’ оценивается отрицательно; так, слова *всегдашний* и *omnivorous* в переносных употреблениях обозначают определенную моральную неразборчивость. Однако чрезмерная степень ‘отвращения’ также представляется слегка нежелательной; *брезгливость* и *squeamishness* имеют несколько отрицательную оценку, которая намного более явственна в случае физической брезгливости; ср.: *Она брезгливо поморщилась при виде раненого; Маленькие дети вызывали у него брезгливость*. При этом моральная *брезгливость* – скорее положительное качество, противоположное *всегдашности*. Это не удивительно, если принять во внимание тот факт, что моральное отвращение является одной из общепризнанных моральных эмоций («moral emotions»), регулирующих этическое поведение человека, наряду со стыдом, чувством вины и гневом [Stets, Turner 2008: 500].

2.3.6. Кластер ‘жалость’ в русском и английском языках

Русская *жалость*, по мнению многих исследователей, является уникально русской эмоцией; см. об этом раздел 1.1 данной работы, а также [Wierzbicka 1992, Левонтина 2004]. Отношение к жалости как к культурно-специфичной эмоции во многом идет от русской религиозной философии (см. [Федотов 1992]). Ср. также психологическое исследование [Rancour-Laferriere 1995] о важной роли жалости в русской культуре, которую автор объясняет существованием особого «мазохистского» русского психотипа.

Однако современное словоупотребление указывает на несколько иной семантический образ *жалости*, существенно более близкий английской *pity*, особенно если рассматривать его в контексте всего кластера ‘жалость’. Хотя *жалость* и *pity* не являются точными эквивалентами и каждое слово в этом кластере обладает семантическими и сочетаемостными особенностями, различия между кластерами ‘жалости’ в русском и английском не больше, чем различия между русским и английским ‘гневом’, ‘страхом’ и пр. В большинстве случаев при переводе с одного языка на другой возможно не только передать общее значение слов кластера ‘жалость’, но и дать дословный перевод.

В целом концептуальные карты ‘жалости’ в двух языках достаточно похожи. Оба языка различают «объективную» и «субъективную» ‘жалость’: первая возникает, когда объект эмоции действительно страдает и осознает свое страдание как таковое, во время как вторая возникает, когда экспериенсер считает, что объект эмоции страдает или находится в плохой ситуации, причем сам объект может этого не осознавать и не соглашаться с такой оценкой.

«Объективная» ‘жалость’ выражается словами *сострадание, сочувствие, участие*, а также *compassion* ‘сострадание’, *sympathy* ‘сочувствие’, *concern* ‘участие’, *to feel for smb.* ‘сочувствовать кому-л.’

«Субъективная» ‘жалость’ выражается словами *жалость, жалеть, жалко, жаль*, а также *pity* ‘жалость’, *to pity* ‘жалеть’ и *sorry* ‘жалко, жаль’.

Ср.: *Мне его жалко* <*жаль*> – *он такой дурак* и *I pity him* – *he is such a fool*; при неадекватности *Я ему сочувствую – *он такой дурак* и **I have compassion* <*sympathy*> *for him* – *he’s such a fool*. Это не значит, что *жалость* невозможна, когда объект эмоции действительно страдает, однако реальное страдание не является для нее необходимым условием.

Наиболее нейтральным обозначением субъективной ‘жалости’ являются русские *жаль*, *жалко* и английское *sorry*. Они выражают идею общего сожаления о том, что некто, с точки зрения экспериенсера, находится в плохой ситуации. Этот тип нейтральной ‘жалости’ эксплицируется следующим образом:

(93) ‘X думает, что Y находится в плохой ситуации; X чувствует что-то плохое от этого’.

Все эти слова допускают наличие существенной эмоциональной дистанции между объектом и экспериенсером, и поэтому для них возможно абсолютное употребление, вообще без указания объекта эмоции; ср.: *Мне так жаль*; *Очень жалко*; *I’m so sorry*. В отличие от *жалости*, *сострадания*, *участия*, а также *pity*, *compassion*, *concern*, *жаль*, *жалко* и *sorry* не предполагают со стороны экспериенсера активного желания помочь.

Жалость и *pity* являются более сильной разновидностью субъективной ‘жалости’. В отличие от *жаль*, *жалко* и *sorry*, они указывают не только на переживание экспериенсера из-за того, что кто-то находится в плохой, с его точки зрения, ситуации, но и на хорошее отношение к объекту эмоции, на желание как-то исправить ситуацию; ср.: *нежная жалость* и *tender pity*, *сделать что-л. из жалости* и *to do something out of pity*.

Однако *pity* и *жалость* описывают, вероятно, самый широкий диапазон эмоций – от нежной и временами болезненной эмоции, которая в психологии иногда называется «benevolent pity» ‘благожелательная жалость’ (ср.: *растаять от жалости* и *to melt with pity*, *плакать от жалости* и *to cry with pity*, *жгучая жалость* и *painful pity*, *пронзительная жалость* и *heart-piercing pity*), до холодного и презрительного чувства, неприятного и унижительного для объекта (*презрительная жалость* и *contemptuous pity*, *унижительная жалость* и *humiliating pity*, *холодная жалость* и *cold pity*). «Благожелательную» *жалость* испытывают к тем, к кому хорошо относятся, и плохая ситуация, в которой находится объект эмоции, усиливает это хорошее отношение; *унижительную жалость* испытывают к тем, к кому изначально относятся плохо, причем та плохая ситуация, в которой находится объект эмоции, только усиливает это плохое отношение, потому что экспериенсер считает эту ситуацию не результатом неблагоприятных обстоятельств, а следствием собственных ошибок объекта.

Pity и *жалость* могут вызываться чьим-то сильным страданием, но могут возникать и без всякого внешнего стимула, только потому, что экспериенсер считает, что объект эмоции находится в плохой ситуации, причем сам объект может не разделять эту точку зрения; ср.: *испытывать жалость к голодным детям* и *to feel pity for the hungry children*; *Я испытываю жалость к этому идиоту* и *I feel pity for this idiot*.

Pity и *жалость* могут также быть направлены на самого экспериенсера: *self-pity*, *жалость к себе*.

В целом этот тип чувства эксплицируется следующим образом:

(94) ‘X думает, что Y находится в плохой ситуации; X не хочет, чтобы Y был в плохой ситуации; X чувствует что-то плохое от этого; X может чувствовать что-то хорошее к Y-у; X может хотеть сделать что-то хорошее для Y-а’.

Pity и *жалость* концептуализуются как фундаментальная человеческая способность, отсутствие которой представляется существенным отклонением от нормы. Человек, не чувствующий жалости в определенных обстоятельствах, воспринимается как жестокий и холодный; ср.: *безжалостный* и *pitiless*. Интересно, что излишек жалости может оцениваться отрицательно, особенно в английском, хотя и в существенно меньшей степени, чем излишек страха, гнева, грусти и пр.; ср. ироническую окраску такого выражения как *bleeding heart* букв. ‘кровоточащее сердце’, которое часто используется в отношении людей непрактичных, неуместно жалостливых, нереалистичных, чрезмерно склонных бросаться на помощь или извинять чужие недостатки: *an idealistic bleeding heart liberal* ‘излишне мягкий идеалист – либерал’. В русском языке отрицательная оценка излишней жалости представлена в гораздо меньшей степени, однако в некоторых кон-

текстах русские слова *жалостливый* и *сердобольный* могут указывать на отрицательно оцениваемый избыток жалости: *болезненно жалостливый*; *Ему нельзя пить, но сердобольные друзья всегда наливают*; *Впоследствии он [ребенок] будет лениться и перекладывать основную часть своих заданий на сердобольных родителей* (А. Луговская).

Pity и *жалость* – весьма близкие корреляты и в то же время слова с достаточно широким значением; их семантические дериваты, напротив, семантически специализированы. Так, например, прилагательные *жалкий* и *pitiful* обычно используются для обозначения объектов, вызывающих презрительную жалость, в то время как прилагательные *жалобный* и *piteous* используются для обозначения поведений, целью которых является вызывать благожелательную жалость. С другой стороны, их семантические дериваты гораздо больше различаются в межъязыковом отношении; ср. например, глаголы *жалеть* и *to pity*. Если существительные *жалость* и *pity* используются для обозначения обоих видов жалости, то английский глагол *to pity* чаще встречается в контекстах презрительной жалости, в то время как русский глагол *жалеть* более характерен в контекстах благожелательной жалости; ср.: *He pities her* vs. *Он ее жалеет*. Английская фраза описывает чувство, и не слишком доброе, а русская фраза описывает не только хорошее отношение, но и его проявления в поведении. Так, русское *жалеть* может значить ‘щадить’, особенно в совершенном виде; ср.: *Он его пожалел и отпустил* ≡ ‘Он его пощадил и отпустил’. В некоторых контекстах, в частности в детской речи, *пожалеть* может интерпретироваться как ‘утешить’ (ср.: *Пожалей меня*; *Если ребенок ударился, ему хочется, чтобы его пожалели*), иногда даже ‘погладить’ (ср.: в детской речи *Пожалей мне ручку*). Это не значит, что в английском нет концепта благожелательной жалости; просто в русском этот вид жалости выражается и существительным, и глаголом, а в английском только существительным.

Слово *compassion* и его дериваты, а также его русский аналог *сострадание* и его дериваты выражают идею совместного переживания чьего-то реального страдания, хорошее отношение к этому человеку и желание ему помочь. При этом, безусловно, экспериенсер переживает чувства объекта лишь отчасти: чье-то реальное страдание и чье-то со-страдание кому-либо не эквивалентны.

Русское *сострадание* указывает на большую объективную степень страдания объекта эмоции, чем его английский коррелят *compassion*. *Compassion*, в особенности в сочетании *to have compassion* ‘сострадать, иметь сострадание к кому-л., сжалиться’, используется в контекстах, в которых по-русски был бы употреблен глагол *жалеть* или существительное *жалость*; ср.: *Turn the TV down a bit, have some compassion for me* ‘Сделай телевизор потише, *пожалей* меня’, но не ‘Сделай телевизор потише, прояви ко мне *сострадание*’. Таким образом, английские *pity* и *compassion* вместе ‘покрывают’ часть концептуальной карты, занимаемую в русском тремя словами: *жалеть*, *жалость* и *сострадание*.

В целом этот вид чувства может быть выражен следующим образом:

- (95) ‘У находится в плохой ситуации и чувствует что-то плохое; X отчасти чувствует, что чувствует Y; X чувствует что-то плохое; X чувствует что-то хорошее к Y-у; X хочет сделать что-то хорошее для Y-а’.

В обоих языках также присутствует концепт со-чувствования, понимания ситуации, в которой находится объект эмоции, и его чувств, хорошее отношение к нему, и при этом необязательность непременно участия, желания помочь. Выражающие этот концепт слова *сочувствие* и *sympathy* предполагают обычно вербальное выражение эмоции, но не поведенческое; ср.: *выразить сочувствие* и *to express one's sympathy*, но не ‘сделать что-л. из сочувствия’ и ‘*to do something out of sympathy*, при том, что возможно и естественно *делать что-л. из жалости* <сострадания> и *out of pity* <out of compassion>.

В целом этот тип чувства эксплицируется следующим образом:

- (96) ‘У находится в плохой ситуации; X понимает, что чувствует Y; X чувствует что-то плохое; X чувствует что-то хорошее к Y-у’.

Еще более поверхностный вид ‘жалости’ – это ритуальное выражение сочувствия человеку, у которого умер кто-то близкий; ср. слова *соболезнования* и *condolences* в стандартных фразах *Примите мои соболезнования* и *Accept my condolences* (стандартно употребление этих существительных во множественном числе).

Как видно из уже сказанного, концептуальные карты русской и английской ‘жалости’ во многом совпадают, если и не дословно, что было бы невозможно, то по крайней мере, в типах чувств, которые были выделены и концептуализованы в этом кластере. Однако есть области, в которых они различаются. А именно, в английском есть важный концепт *empathy*, который подразумевает всякое сопереживание, не только сопереживание страданию (см. [Jabbi et al. 2007] о нейропсихологии эмпатии и о проецировании положительных и отрицательных ощущений объектов эмоции на собственные ощущения экспериенсера). «Ненаучным» обозначением этого состояния служит *fellow feeling* ‘сочувствие, симпатия’. В русском эта разновидность чувства представлена в несколько меньшей мере; хотя русским языком заимствовано слово *эмпатия*, его употребление ограничено терминологическими контекстами, а что касается слова *сопереживание*, то оно носит явно книжный характер и малоупотребительно.

Может возникнуть вопрос, почему *empathy* и *fellow feeling*, а также выражающий близкое значение глагол *to feel for somebody* ‘сочувствовать, сопереживать’ отнесены к кластеру ‘жалости’, если они обозначают любую разновидность сопереживания, а не только сопереживание страданию. Однако (и, возможно, это носит универсальный характер) слова, которые «технически» обозначают сопереживание любой эмоции, в реальности употребляются в первую очередь в контекстах сопереживания страданию, как во фразах *I've a fellow feeling for their woes* ‘Я сочувствую их горю’; *I feel for him – he's had some real troubles* ‘Мне жаль его – у него серьезные проблемы’; *I have great empathy for his pain* ‘Я сочувствую его страданию’. Возможно, это связано с тем, что сопереживание страданию наиболее важно с эволюционной точки зрения, так как ведет к действиям, направленным на помощь и на то, чтобы вывести объект из плохой ситуации⁵. Кроме того, на употребление слов со значением ‘эмпатии’ в английском языке в качестве показателей сочувствия страданию может влиять также общая тенденция английского языка избегать прямых отрицательных утверждений: поскольку эти слова не содержат указания на то, что объект эмоции находится в плохой ситуации (в отличие от всех слов со значением собственно ‘жалости’), то они не содержат и потенциально обидных и унижительных оттенков ‘жалости’, связанных с тем, что экспериенсер ставит себя выше объекта эмоции. Следовательно, их употребление в контекстах ‘жалости’ предпочтительно в силу некоторой «политической корректности».

Еще одно несовпадение русской и английской концептуальных карт ‘жалости’ состоит в том, что в русском присутствует специальное обозначение поведения, вызванного жалостью – *участие*. Слово *участие* указывает на то, что экспериенсер производит действия, направленные на то, чтобы улучшить положение объекта эмоции, и делает это в силу сострадания к нему; ср.: *Он проявил большое участие к оказавшимся в беде семьям*.

В заключение следует отметить, что, хотя ‘жалость’ в русском и английском языках различается, однако не только так и не настолько, как это традиционно предполагалось исследователями, а в несколько других аспектах.

2.3.7. Кластер ‘стыд’ в русском и английском языках

Как утверждается в работе [Шмелев 2002: 383–395], в русском языке есть два основных концепта ‘стыда’ – внутренний *стыд* и внешний *позор*, которым в европейских языках соответствует один синтетический концепт – *shame* в английском, *honte* во французском и т. п. Безусловно, верно, что в русском для выражения внутреннего чувства

⁵ О негативных переживаниях объекта эмоции как частой, хотя и не обязательной, предпосылке *empathy* см. [Гладкова 2005: 107].

стыда и внешней стигмы, позора, существуют два разных слова, однако представляется, что это различие релевантно и для английского. Хотя слово *shame* ‘стыд, позор’ имеет два значения, в английском есть и более специализированные языковые средства, которые выражают либо внутреннее чувство ‘стыда’ (прилагательное *ashamed* ‘стыдно’), либо внешнюю стигму (*disgrace* ‘позор’).

Базовой этической эмоцией является внутреннее чувство ‘стыда’, чувство, выражаемое словами *стыдно, совестно, стыд* и *shame, ashamed*. Оно эксплицируется следующим образом:

- (97) ‘Х думает, что он сделал что-то плохое; Х чувствует что-то плохое от этого; Х думает что-то плохое о себе’.

Этот тип ‘стыда’ концептуализуется как фундаментальная человеческая способность, отсутствие которой представляется существенным отклонением от нормы; ср.: *бесстыдный* и *shameless*⁶. В отсутствие этой естественной реакции на совершенные плохие поступки, собеседник может попытаться ее стимулировать; ср.: *Как тебе не стыдно!*; *Стыдись!* и *Aren't you ashamed? Shame on you!* Внутренний этический ‘стыд’ – это очень интенсивное и неприятное чувство; ср.: *жгучий стыд, burning shame*.

В отличие от «социального» ‘стыда’, этический ‘стыд’ человек может испытывать вне зависимости от окружения и внешних обстоятельств, вне зависимости от того, знает ли кто-то о нем или нет; ср.: *Мне стыдно, что я предал его, хотя он так никогда об этом и не узнал*.

Однако поскольку ‘стыд’ – это чувство во многом социальное, связанное с мнением окружающих и во многом им вызываемое, то ситуация переживания ‘стыда’ легко переходит в ситуацию с двумя участниками – экспериенсер, совершивший что-то плохое, и «аудитория», которая может совпадать, а может и не совпадать с тем, кому был причинен вред плохими поступками экспериенсера; ср.:

- (98a) *Мне было стыдно перед ним за мое невольное предательство;*
(98b) *I felt ashamed before him for my involuntary betrayal.*

Когда человек чувствует, что он сделал что-то плохое, ему может быть трудно контактировать не только с тем, кому он причинил вред, но и с другими людьми; ср.:

- (99a) *Если я его подведу, мне будет стыдно ему в глаза смотреть;*
(99b) *If I let him down, I'll be ashamed to look him in the eyes;*
(100a) *Если я подпишу это, мне будет стыдно людям в глаза смотреть;*
(100b) *If I sign this, I'll be ashamed to look people in the eyes.*

Когда человек совершает что-то плохое, он может чувствовать что-то плохое по этому поводу, и это внутренний этический стыд. Однако человек может быть также озабочен тем, что в результате его поступков подумают о нем другие люди, и это социальный ‘стыд’, который может рассматриваться не только, с точки зрения экспериен-

---

⁶ Интересно, что в социологии основным этическим чувством современного западного мира считается *вина* (guilt), а *стыд* в качестве основного регулятора морали относится к прошедшим эпохам: «While shame was the moral emotion of the past, guilt is the moral emotion of the present» [Stets, Turner 2008: 553] – «Если стыд был моральной эмоцией прошлого, вина – это моральная эмоция настоящего». Интересно также, что язык в этом отношении отстает от этики и социологии, поскольку именно *стыд* и *shame* представляются им как неотъемлемые моральные способности человека, а их отсутствие осознается как нарушение нормы (*бесстыдный, shameless*), в то время как отсутствию чувства вины не приписывается столь важный статус, и слова *безвиный* и *guiltless* обозначают невиновность в конкретной ситуации, а вовсе не отсутствие фундаментальных этических качеств. См. также замечательный анализ языковой концептуализации эмоций *guilt* ‘чувство вины’, *remorse* ‘угрызания совести’ и *shame* ‘стыд’ в работе [Вежбицкая 1996: 366–368].

сера, но и с точки зрения общества и концептуализоваться как некая стигма, клеймо, которым общество метит нарушителей моральных и социальных норм. Этот концепт присутствует как в русском, так и в английском языках; в английском он выражается некоторыми употреблением слова *shame*, например, *howling shame* ‘стыд и срам’, а также словами *disgrace* ‘позор’, *ignominy* ‘позор, бесчестье’, в русском – словами *стыд* (в употреблении типа *Какой стыд!*), *позор*, *срам*, *конфуз* и их производными. Метафора, выражающая этот тип ‘стыда’, – это, как было сказано, некоторое клеймо, которое пятнает, метит нарушителя, одновременно выделяя его негативным образом и отделяя от остального общества; ср.: *запятнать <покрыть> себя позором; всеобщий позор.*

Такое отношение проявляется к тем людям, которые сделали нечто, нарушающее общепринятые нормы морали, или каким-то иным образом не оправдали социальных ожиданий, причем нарушение объективно может быть как масштабным, так и несущественным, но при этом всегда «подается» как очень серьезное: *Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью берет взятки – какой позор!* vs. *Опять получил двойку на контрольной – какой позор!*

Объектом этого отношения могут быть даже ситуации, нарушающие общепринятые социальные или этические нормы или ожидания: *Наша система образования <наша судебная система> – позор для страны*, где происходит персонификация *страны*.

Эта разновидность ‘стыда’ эксплицируется следующим образом:

(101) *X – позор, X is a shame <disgrace>* – ‘Люди думают, что человек X сделал что-то очень плохое; люди думают что-то плохое об X; люди не хотят быть в контакте с X-ом’.

И этический, и социальный ‘стыд’ может испытываться как из-за собственных поступков X-а, так и из-за поступков кого-то из личной сферы X-а, за кого он ощущает ответственность:

- (102a) *Мне за тебя стыдно;*
- (102b) *I'm ashamed for you;*
- (103a) *Ты – позор нашей семьи;*
- (103b) *You brought disgrace to our family.*

В обоих языках концептуализован также ‘стыд’, который имеет чисто социальную природу, лишённую этической основы. В английском этот вид ‘стыда’ выражается словами *embarrassment* ‘смущение’, *to be shy* ‘стесняться’ и однокоренными им словами, в русском – *стесняться*, *смущаться* и их дериватами. Этот вид ‘стыда’ ощущается, когда человек чувствует себя чересчур открытым, выставленным на всеобщее обозрение, когда что-то сугубо личное, не предназначенное для посторонних глаз или ушей, становится всем известным. В этой ситуации человек боится не собственной совести, а также не социальной или этической стигмы, поскольку он не делает ничего плохого; скорее, он боится показаться другим людям смешным или незащищенным:

- (104a) *Он очень смутился, когда она вслух прочитала его письмо;*
- (104b) *He was acutely embarrassed when she read his letter out loud;*
- (105a) *Она очень смутилась, заметив, что у нее порвались колготки;*
- (105b) *She was very embarrassed when she noticed a run in her pantyhose.*

Эта разновидность ‘стыда’ оценивается нейтрально или положительно как разновидность скромности, уместной для людей определенного возраста и статуса; ср.: *застенчивая <стыдливая> девушка <девочка>*, *a shy <bashful> girl*. Чрезмерный социальный ‘стыд’ оценивается слегка негативно, так как он заставляет людей вести себя неестественно; ср.: *стеснительный*, *скованный*, *uptight*, *self-conscious*, однако его полное отсутствие оценивается как гораздо больший недостаток; ср.: *бесстыжий*, *blushless*.

Этот вид ‘стыда’ может быть эксплицирован следующим образом:

- (106) *X смущен Y-ом, X is embarrassed by Y* – ‘X не хочет, чтобы люди знали об Y-е; люди знают об Y-е; X чувствует что-то плохое; X думает, что люди будут смеяться над ним из-за Y-а или думать о нем плохо из-за Y-а’.

Отличие русского *смущения* от английского *embarrassment* состоит в том, что *смущаться* человек может только по поводу своего собственного поведения, в то время как испытывать *embarrassment* можно *за кого-то*:

- (107a) *The participants of the talent show delivered such a silly performance, that I felt embarrassed for them*
‘Участники конкурса художественной самодеятельности устроили такое дурацкое представление, что мне стало за них неловко’,
но не
(107б) **Участники конкурса художественной самодеятельности устроили такое дурацкое представление, что я смутилась за них.*

Обе эти разновидности ‘стыда’, и этическая, и социальная, являются сильным сдерживающим фактором; если кто-то считает что-либо плохим, *стыдным* или же неприличным, он может удержаться от того, чтобы это делать (см. об этом как о двух типах стыда [Konstan 2006]); ср. русские глаголы *постыдиться сделать что-л.* (этическое чувство) и *постесняться сделать что-л.* (социальное чувство) со следующим значением:

- (108) *X постыдился <постеснялся> сделать Y*: ‘X не сделал Y, потому что считал, что сделать Y нехорошо или неприлично’.

Ср. интерпретации следующих фраз:

- (109) *Он постыдился отказать ей в помощи* = ‘Он не отказал ей в помощи, потому что ему было стыдно отказывать’;
(110) *Он не постыдился прилюдно упрекнуть ее* = ‘Он прилюдно упрекнул ее, хотя можно было ожидать, что ему будет стыдно упрекнуть ее’.

В английском языке соответствующий смысл лексикализован в несколько меньшей мере, однако также может выражаться; ср. выражение *to have scruples*:

- (111) *He had no scruples to use every possible means to deceive the public and cover up his crime*
‘Он не постыдился использовать все возможные средства, чтобы обмануть общество и скрыть свое преступление’.

В английском существует разновидность ‘стыда’, не имеющая точного аналога в русском. Это *mortification*, очень сильное чувство – смесь острого стыда, унижения, обиды, огорчения, чувство «уничтоженности». Люди испытывают это чувство, когда что-то очень личное и однозначно социально неприемлемое становится известным другим людям; когда они становятся объектом унижительного обращения, особенно в присутствии других людей; когда они в присутствии других людей делают что-то крайне социально неприемлемое.

Ср. следующие примеры:

- (112) *She accidentally splashed red wine on his white shirt and felt mortified*
‘Она нечаянно пролила ему на белую рубашку красное вино и очень смутилась’;
(113) *She was so mortified she left school when an intimate photo she sent her ex-boyfriend ended up on the Internet*
‘Ей было так стыдно, когда интимная фотография, которую она послала своему бывшему другу, попала в Интернет, что она бросила школу’;
(114) *He did not acknowledge my greeting and did not seem to notice my outstretched hand. I felt mortified*

‘Он не ответил на мое приветствие и сделал вид, что не заметил мою протянутую руку. Я чуть не умерла от стыда’;

- (115) *She was mortified. Her curlers were still in and she was wearing a baggy bathrobe*
‘Она страшно смутилась. У нее в волосах еще были бигуди, и на ней был обвисший халат’.

Чувство *mortified* может описываться в русском более сложным, идиоматическим способом – при помощи фраземы *X-у хочется <X готов> провалиться сквозь землю (от стыда)*.

С другой стороны, в русском языке есть разновидность полу-этического, полу-этикетного стыда, который люди испытывают, когда причиняют кому-то неудобство, мешают кому-то или каким-то иным образом служат источником беспокойства. Это чувство выражается безличными предикативными конструкциями *X-у неловко* и *X-у неудобно* (см. о «семантике шепетильности» [Зализняк 2000]); ср.: *Мне неловко <неудобно> его об этом просить; Мне неловко <неудобно> вас беспокоить*. В английском нет точного соответствия этому типу ‘стыда’ – фразы с *неловко* и *неудобно* можно перевести только при помощи выражений с гораздо более общей семантикой – *to feel bad about smth.*, *not feel like doing smth.* ‘не хотеть что-л. делать’: *I don't feel like asking him to do that* ‘Мне не хочется его об этом просить’; *I feel bad about bothering him* ‘Мне неудобно, что я его побеспокоил’.

В целом, концептуальные карты ‘стыда’ в русском и английском достаточно похожи, особенно в центральной части, с некоторой степенью вариативности на периферии.

2.3.8. Кластер ‘обида’ в русском и английском языках

Хотя сравнительный анализ эмоциональных кластеров в русском и английском обнаруживает намного больше сходств в концептуализации эмоций в этих двух языках, нежели было принято считать, однако в кластере ‘обида’ концептуальные карты эмоций действительно очень существенно различаются⁷. Нельзя при этом утверждать, что англоговорящим людям незнакомо это чувство или что в английском языке отсутствует способ его выражать; скорее, имеет место совершенно разное структурирование концептуального пространства. Основанием для выделения этого кластера в обоих языках служит то, что в них содержатся слова и выражения для описания неприятного чувства, которое возникает у человека, когда ему сделали что-то плохое, что он воспринимает как неза заслуженное и что причиняет ему душевную боль.

Именно этот компонент душевной боли является общим в метафорической концептуализации чувства в двух языках; ср.: *боль обиды, кровавая обида, задеть кого-л., уязвленный, hurt <wounded, injured>* ‘задетый, оскорбленный’, букв. ‘раненый’). Однако в целом, структура полей ‘обиды’ в этих двух языках совершенно разная. Так, русская концептуальная карта ‘обиды’ покрывает гораздо большее концептуальное пространство, с которым английский кластер ‘обида’ совпадает лишь частично, так что часть того, что в русском осознается как *обида*, в английском осознается как эмоция, принадлежащая к другому эмоциональному кластеру. Кроме того, если в русском практически все поле ‘обиды’ покрывается одним словом *обида* и его дериватами, то в английском существует множество обозначений «узкоспециализированных» разновидностей этого чувства. В этом смысле ситуация с ‘обидой’ обратна ситуации с ‘гневом’, где в русском языке отсутствует имеющийся в английском нейтральный термин широкой семантики.

В каком-то смысле подобное межъязыковое различие неудивительно, поскольку оно соответствует общему характеру различий между этими двумя языками, где русский обычно обходится меньшим количеством терминов с более широкой семантикой, а английский обладает большим количеством выражений с более специализированным значением. Однако в случае ‘обиды’ это различие представляется более глубоким. Если

⁷ См. об этом [Зализняк 2000].

в других эмоциональных кластерах в английском обычно возможно установить некоторый общий, собирательный термин, наиболее нейтральное обозначение какого-то типа эмоции, который, не являясь семантическим гиперонимом, может так или иначе использоваться для обозначения кластера, то для 'обиды' в английском такого слова нет – каждое выражение внутри этого кластера обладает чересчур специализированным значением, хотя каждое из них может быть переведено на русский язык словом *обида*.

Однако русская 'обида' не только включает в себя все разновидности английской; она еще и выходит за пределы этого кластера в английском языке: иногда, когда в русском используется слово *обида*, в английском ситуация требует использования слова из другого эмоционального кластера, например, *become sad*, *become upset* 'расстроиться' или *get mad* 'рассердиться'.

Возникает ощущение, что русский язык кодирует какой-то более чувствительный детектор обиды, который начинает регистрировать наличие этого чувства до того, как его замечает носитель английского языка. Так, в английском языке нет слов, которые бы описывали неприятное чувство, возникающее в достаточно безобидных ситуациях, которое в русском описывается корнем *обид-* (*Я забыл, что мы перенесли встречу на пятнадцать минут раньше, и она обиделась; Она обиделась, что я не успел прочитать книгу, которую она мне дала*), корнем, который может также использоваться для описания очень сильного агрессивного «вендеттоподобного» чувства (ср. *кровавая обида*). По мере того как усиливается стимул и, соответственно, чувство, английский начинает его фиксировать, однако сначала при помощи слов из других эмоциональных кластеров, например, *mad* или *upset*; ср.:

(116a) *Она обиделась, что я не успел на нашу встречу;*

(116b) *She got mad <upset> that I didn't make it to our meeting in time*

'Она рассердилась <расстроилась>, что я не успел на нашу встречу'.

Все английские слова со значением 'обиды' описывают достаточно серьезный стимул и довольно сильное чувство, т. е. соответствуют верхней части спектра русской 'обиды', в то время как нижняя часть ее спектра не имеет соответствий в английском кластере.

Мы начнем обсуждение 'обиды' с английского кластера, поскольку он содержит большее количество терминов, хотя, как было сказано, занимает меньшее концептуальное пространство. Несмотря на существующее мнение о чисто русском характере этой эмоции, концепт 'обида' вполне актуален для английского языка, и если есть многочисленные случаи, когда русская *обида* не может быть переведена на английский при помощи слова из английского кластера 'обида', то имеются и обратные случаи. В частности, английские слова из кластера 'обида' свободно используются в англоязычном политическом и общественном дискурсе, что нехарактерно для гораздо более личной русской 'обиды', где в аналогичных английским примерах использовались бы скорее единицы типа *задеть*, *оскорбить*, *быть оскорбительным для кого-л.*

Например, Ромни, один из республиканских кандидатов на американских президентских выборах 2007 года, «был обижен» высказыванием Хакаби, другого кандидата от республиканцев по поводу мормонской веры:

(117) *Mr. Romney was **offended** after news emerged that Mr. Huckabee had made a controversial reference to the Mormon faith* (National Post, Canada, Dec 12, 2007)

'Мистер Ромни был **обижен/задет** новостью о том, что мистер Хакаби сделал полемическое высказывание о мормонской вере'.

Ср. также другие примеры «общественной» обиды:

(118) *Women voters, in particular, may have been **offended** by the scene at the debate of Obama and the third-place New Hampshire finisher, former Sen. John Edwards, ganging up on Clinton* (AXcess News, KY)

‘Избирательницы в особенности могли быть **обижены** сценой, разыгравшейся во время дебатов между Обамой и занявшим третье место Джоном Эдвардсом, которые объединили свои силы против Клинтон’;

(119) [*Mel Gibson*] *conceded that he had **offended** the Jewish community*

‘Мел Гибсон признал, что он **обидел/оскорбил** еврейское сообщество’;

(120) *I must assume personal responsibility for my words and apologise directly to those who have been **hurt and offended***

‘Я должен взять на себя личную ответственность за свои слова и попросить прощения у тех, кто был **обижен/оскорблен/задет**’ (BBC-NEWS Tuesday, 1 August 2006).

Русская ‘обида’ – слишком личное чувство, для того чтобы обнаруживать его в официальных ситуациях. Для описания эмоций, которые вызываются «политически некорректными» высказываниями или действиями, используется эмоциональный каузатив *оскорблять*: *оскорблять чувства верующих*; *оскорблять чувства этнических меньшинств*. *Оскорбление* указывает на более объективный характер стимула, чем *обида*: человек может *легко обижаться* или *быть обидчивым*, но он не может **легко оскорбляться* или *быть *оскорбливым* (по аналогии с *пугливым*, *гневливым*, *жалостливым* и пр.). Кроме того, доля личной боли в *оскорблении* меньше, чем в *обиде*, а доля гнева – больше; *оскорбление*, в гораздо большей степени, чем беспомощная *обида*, сосредоточено на нарушении некоторой социальной или этикетной нормы, а также на желании мести или восстановления справедливости (хотя последнее возможно и для *обиды*).

Итак, английский, в отличие от русского, допускает чувства, коррелирующие с *обидой*, в «общественно-политических» контекстах. Однако в сфере личной коммуникации русский язык более чем компенсирует эту асимметрию, поскольку круг ситуаций, вызывающих *обиду*, а также сами разновидности этого чувства чрезвычайно разнообразны.

В качестве иллюстрации приведем пример из набоковской «Лолиты» в английском оригинале и авторском переводе на русский, где одно и то же русское слово *обида* (или его дериват) используется как переводной эквивалент пяти несинонимичных английских слов:

(121) *He had the utmost respect for ordinary children, with their purity and **vulnerability*** [букв. ‘ранимость’]

*Он относился крайне бережно к обыкновенным детям, к их чистоте, открытой **обидам**;*

(122) “*Doublecrosser*”, she said as I crawled downstairs rubbing my arm with a great show of **rue**

[букв. ‘сожаление, горе’]
*«Подлый предатель», – сказала она, между тем как я побрел вниз по лестнице, потирая плечо с видом большой **обиды**;*

(123) *That ...makes me moan today with **frustration*** [букв. ‘разочарование, досада’]

*Меня заставляет стонать от **обиды** мысль, что...;*

(124) *Who can say what heartbreaks are caused in a dog by our discontinuing a romp* [букв. ‘жестокое разочарование, разбитое сердце’?]

*Кто может сказать, какие глубокие **обиды** мы наносим собаке тем, что прекращаем возню!;*

(125) *If you bear me a **grudge**, I am ready to make unusual amends* [букв. ‘недовольство, неудовлетворение, недоброежелательство’]

*Если вы считаете, что я вас **обидел**, я готов на необычайные компенсации.*

Итак, *обида*, в одном или в разных значениях, сочетает в себе компоненты боли и незащищенности, особого поведения, неудовлетворения, желания компенсации, которые в английском передаются разными лексическими единицами.

В кластере ‘обида’ различия между русским и английским языками наиболее очевидны – там, где в русском мы находим сложное по семантике слово, состоящее из многих компонентов, каждый из которых может попадать в фокус внимания, давая большое количество интерпретаций, а также полисемию и богатое словообразование, английс-

кий язык использует большое количество различных, существенно более специализированных и узких по семантике языковых средств.

В английском *каузация* обиды и *чувство* обиды в основном передаются лексическими средствами с разными корнями; ср.: *to offend, to affront* 'обижать' (каузация чувства) vs. *resentment* 'обида', *grudge, grievance, hard feelings* 'недоброжелательство, затаенная обида', *hurt <wounded> feelings* 'боль, обида', *feeling sore* 'раздражение, обида' (чувство).

В русском языке полисемичное слово *обида* обозначает и чувство (*затаить обиду*), и его каузацию (*нанести обиду*), кроме того, есть пара однокоренных глаголов со значением чувства (*обидеться*) и его каузации (*обидеть*).

В английском языке агрессивные, «долгоиграющие», «сердитые» виды обиды выражаются иными лексическими средствами, нежели беспомощно-униженные, болезненные ее разновидности; ср.: *resentment, grudge, hard feelings, grievance* 'затаенная обида, недоброжелательство', с одной стороны, и *to be hurt, to be wounded, to be injured* 'быть уязвленным, обиженным, задетым', с другой. В русском языке все это разнообразие выражается одним и тем же словом: *плакать от обиды* (беспомощная обида) vs. *кровавые обиды, смыть обиду кровью, отомстить за все обиды* (агрессивная обида). Необходимо, однако, отметить, что в современном языке у слова *обида* и его дериватов преобладают «беспомощные» употребления, т. е. душевная боль является существенно более важным компонентом чувства 'обиды', чем желание отомстить.

Таким образом, синтетическому русскому концепту соответствует весьма раздробленная и детализированная картина в английском языке.

Русская *обида* концептуализована как совершенно самостоятельное чувство, в то время как некоторые английские лексические средства выражения 'обиды' можно назвать пограничными: они содержат компоненты чувств из других кластеров. Ср., например, слово *resentment* и его дериват, прилагательное *resentful*, в котором, помимо указания на чувство 'обиды', задетости, содержится указание на то, что экспериенсер сердится и, возможно, завидует или ревнует. Ср. пример, где *resentment* 'обида' сочетается с *anger* 'гневом':

(126) *The mayor's latest unpopular decision caused long-suppressed **resentment** to explode into open **anger*** (СОСА)

'Последнее непопулярное решение мэра привело к тому, что долго подавляемое **недовольство** вылилось в открытое **возмущение**'.

Ср. также пример, где к *resentment* 'обиде' примешивается зависть или ревность:

(127) *Second wives are often **resentful** of money obligations that must go to the first wife and children* (СОСА)

'Вторые жены часто **обижаются** на денежные обязательства перед первой женой и детьми'.

В английском языке поведение, вызванное обидой (например, намеренный уход от контакта с обидчиком, особое выражение лица), выражается отдельными лексическими средствами; ср.: *to sulk* и *to pout* 'дуться'. Для русского это также возможно (*дуться на кого-л.*), однако глагол *обижаться*, указывающий на чувство, может описывать также и поведение: *Она уже неделю на него обижается; Она всегда подчеркнуто обижается и ждет извинений*.

В английском языке отдельными корнями выражается свойство предрасположенности к 'обиде': *grouchy, huffy* 'обидчивый' (склонный к обиде-«агрессии») vs. *vulnerable* 'ранимый', *sensitive* 'чувствительный' (склонный к обиде-«боли»)⁸. В русском языке оба вида 'обиды' «обслуживаются» прилагательным *обидчивый*.

⁸ Ср., впрочем, выражение *to take offence easily* 'легко обижаться'.

Наконец, во многих контекстах, где в русском языке используется слово *обида* или его дериват, в английском естественнее использовать слово из другого эмоционального кластера, например, *mad* ‘сердитый’, *disappointed* ‘разочарованный’ и пр. Ср. следующие примеры:

- (128а) *Она обиделась, что он пришел без цветов*
‘She was **disappointed** [букв. ‘разочарована’] that he came without flowers’;
- (128б) *Родственники обиделись, что я не успела зайти*
‘My relatives were **upset** [букв. ‘расстроились’] that I didn’t have time to drop in’;
- (128в) *Она неделю обижалась, что он не поздравил ее с днем рождения*
‘She **sulked** [букв. ‘дулась’] at him for a week that he didn’t wish her a happy birthday’;
- (128г) *Не обижайся*
‘**Take it easy**’ [букв. ‘не волнуйся, не обращай внимания’];
- (128д) *Ты обиделась?*
‘Are you **mad**?’ [букв. ‘сердишься’];
- (128е) *Я тебя не обидел?*
‘**Is anything wrong**?’ [букв. ‘что-то не в порядке’];
- (128ж) *Зайди к нему, не обижай старика*
‘Visit him, **humor** the old man’ [букв. ‘уважь’];
- (128з) *Он обиделся на жизнь*
‘He is **angry** at life’ [букв. ‘Он рассердился на жизнь’].

Во всех этих ситуациях английские слова со значением ‘обида’ были бы прагматически не вполне адекватны по следующим причинам.

В примере (128а) стимул является недостаточно сильным для того, чтобы испытать эмоцию типа *offended, hurt, wounded*; ср. прагматическую странность ^{??}*She was hurt that he came without flowers*.

В примере (128в) также имеет место недостаточно сильный для английских коррелятов ‘обида’ стимул. Кроме того, в английском языке только агрессивные виды ‘обида’ типа *resentment, grudge, hard feelings* могут характеризоваться существенной длительностью: *long-lasting resentment* ‘длительная обида и гнев’; *He’s had this grudge for years*; *He’s had hard feelings for years* ‘В течение многих лет он испытывал обиду и недоброжелательство’. Для беспомощной обиды-боли это невозможно; ср. **He’s been hurt <wounded> for a week* ‘Он неделю обижался’, ^{??}*She has been feeling offended for a week that he didn’t wish her a happy birthday* ‘Она неделю обижалась, что он не поздравил ее с днем рождения’. Если необходимо передать подобный смысл, используются глаголы со значением эмоционального поведения, например, *to sulk* ‘дуться от обиды’.

В примерах (128б) и (128з) употребление английских слов со значением ‘обида’ было бы также неоправданно, поскольку отсутствует сознательно контролирующий свои действия агент – в (128б) нежелательное событие является результатом неудачного стечения обстоятельств, в (128з) агент вообще отсутствует. В примере типа (128г) английские *offended, hurt, wounded* и прочие слова со значением эмоции были бы неуместны, поскольку они, как и русские выражения *быть задетым, быть уязвленным*, не предполагают способности экспериенсера контролировать свою эмоцию; ср. прагматическую неадекватность ^{??}*Don’t be hurt <wounded>*, ^{??}*Don’t be offended*, ^{??}*Не будь задетым <уязвленным>*, ^{??}*Не будь обиженным*.

Примеры (128д) и (128е) были бы неадекватны с английскими коррелятами в силу того, что английские слова со значением ‘обида’ обозначают чувство, наличие которого экспериенсер предпочитает не признавать.

Пример (128ж) неадекватен с английскими коррелятами, поскольку указывает на чувство, которое может возникнуть в результате «не-поступка», то есть в результате отсутствия чего-либо хорошего, а не наличия чего-либо плохого; ср. прагматическую неадекватность: *Visit him, don’t hurt <offend> the old man* ‘Сходи к нему, не **задевай** <не оскорбляй> его’.

Русская 'обида' может быть эксплицирована следующим образом:

- (129) *X чувствует обиду на Y* = 'X думает, что Y сделал X-у что-то плохое, чего X не ожидал, или не сделал чего-то хорошего, что X ожидал; X чувствует что-то плохое из-за этого; X чувствует что-то плохое по отношению к Y-у из-за этого; X не хочет входить в контакт с Y-ом из-за этого; X может хотеть сделать что-то плохое по отношению к Y-у из-за этого; X может долго так чувствовать'.

Некоторые английские слова со значением 'обида' покрывают «агрессивную» часть русского спектра чувств, описываемого словом *obida* (*grudge, resentment, hard feelings*), некоторые покрывают более «слабые» части спектра (*offended*), некоторые – еще более слабые (*hurt, wounded*), некоторые указывают только на эмоциональные поведения (*to pout, to sulk*). Наиболее слабые части эмоционального спектра русской 'обида' не имеют коррелятов в английском языке.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного исследования можно сделать некоторые предварительные выводы, в том числе о методологии. Покластерный анализ может использоваться для типологического семантического сравнения концептуализации эмоций в разных языках. Получающиеся «карты» эмоций, с разными подтипами эмоций внутри каждого кластера, будут добавляться к общему тезаурусу возможных подтипов эмоций внутри одного куста (например, «страх-благоговение», «страх сверхъестественного», «справедливый гнев», «злая радость», «беспричинная грусть» и т. п.).

Предложенный подход может иметь и практическое применение: он может быть использован при создании нового типа двуязычных словарей с интегральным контрастивным описанием целых синонимических рядов.

Материал, проанализированный в данной работе, позволяет сделать следующие предварительные выводы и заключения, проверка которых потребует существенно более широкого сравнительного анализа различных языков:

1) Эмоциональная метафора обнаруживает существенную степень межъязыковой универсальности: хотя существует много специфических метафор (типа *to turn green* 'позавидовать; букв. позеленеть' или *to feel blue* 'грустить; букв. чувствовать синее'), существует также большое количество совпадающих метафор, особенно «биологических»; ср.: СТРАХ ЭТО ХОЛОД, ГНЕВ ЭТО ЖАР, ОБИДА ЭТО БОЛЬ, ЖАЛОСТЬ ЭТО БОЛЬ и пр.

2) Сравнение 11 эмоциональных кластеров в русском и английском языках позволило местами скорректировать существующие представления об их лингвистических различиях в концептуализации эмоций. В целом необходимо отметить достаточно большой уровень пересечений в концептуализации эмоций и совпадение многих подтипов внутри одного и того же кластера в разных языках («биологический страх», «страх сверхъестественного», «рациональный страх», «болезненный страх» и пр.), естественно, при отсутствии полного совпадения лингвистических средств. Таким образом, существующие между языками различия отражают не только различия в концептуализациях, но в первую очередь различия в языковом выражении концептов. Нередко похожие концепты выражаются различными языковыми средствами (например, разные подтипы одной эмоции в английском языке выражаются разными вокабулами, а в русском – разными лексемами одного слова). Кроме того, разные языки отражают разные системы конвенций эмоционального выражения (*display rules*), что также объясняет языковые несовпадения.

Итак, первый источник языковых несовпадений – это разное лингвистическое членение сходного концептуального пространства, что является естественным феноменом и встречается не только в сфере эмоций. Так, слово *horror* объединяет в себе *ужас* и *отвращение, тоска* – элементы *yearning, depression* и *anguish*.

Второй источник языковых несопадений – различные системы эмоционального этикета. Американский английский предпочитает избегать прямых негативных сообщений типа «Я сделал что-то плохое», «Ты сделал что-то плохое», «Я чувствую что-то плохое», «Ты чувствуешь что-то плохое», «Ты в плохой ситуации», в то время как в русском языке такое ограничение отсутствует. Это объясняет несколько большую употребительность русских слов из кластеров ‘жалость’, ‘стыд’ и ‘обида’, чем их английских аналогов. В русской культурной ситуации допускается преувеличивать свои негативные чувства, тогда как в англоязычной естественно преувеличивать положительные чувства (см. об этом [Рис 2005; Ларина 2009: 172–301]). В русской коммуникации вполне допустимо открыто выразить свою жалость, стыд, обиду, прямо называя эти эмоции, в то время как носитель английского языка может предпочесть использовать обобщенный термин типа *to feel bad* в ситуациях, потенциально неприятных для одного из коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежицкая 1996 – *А. Вежицкая*. Язык, культура, познание. М., 1996.
- Гладкова 2005 – *А.Н. Гладкова*. Чем русское *сопереживание* отличается от английского *empathy*? Опыт применения естественного семантического метаязыка в контрастивной семантике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог’2005». М., 2005.
- Зализняк 2000 – *Анна А. Зализняк*. О семантике щепетильности (*обидно, совестно* и *неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.
- Ларина 2009 – *Т.В. Ларина*. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
- Левонтина 2004 – *И.Б. Левонтина*. Словарная статья ЖАЛОСТЬ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- НБАРС – *Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова* и др. Новый большой англо-русский словарь. Т. I—II. М., 1993; Т. III. М., 1994.
- Рис 2005 – *Н. Рис*. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Пер. с англ. Н.Н. Кулаковой, В.Б. Гулиды. М., 2005.
- Шмелев 2002 – *А.Д. Шмелев*. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Федотов 1992 – *Г. Федотов*. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. СПб., 1992.
- Calder et al. 2001 – *A.J. Calder, A.J. Lawrence, A.W. Young*. Neuropsychology of fear and loathing // *Neuroscience*. 2001. V. 2.
- Ekman 1999 – *P. Ekman*. Basic emotions // Т. Dalgleish, М. Power (eds.). *Handbook of cognition and emotion*. Sussex, 1999.
- Jabbi et al. 2007 – *M. Jabbi, M. Swart, C. Keysers*. Empathy for positive and negative emotions in the gustatory cortex // *NeuroImage*. 2004. № 34.
- Konstan 2006 – *D. Konstan*. The emotions of the Ancient Greeks. *Studies in Aristotle and classical literature*. Toronto, 2006.
- Levontina, Zalizniak 2001 – *I. Levontina, Anna Zalizniak*. Human emotions viewed through Russian language // J. Harkins, A. Wierzbicka (eds.). *Emotions in cross-linguistic perspective*. Berlin, 2001.
- Rancour-Laferrriere 1995 – *D. Rancour-Laferrriere*. The slave soul of Russia: moral masochism and the cult of suffering. New York, 1995.
- Stets, Turner 2008 – *J.E. Stets, J.H. Turner*. *Handbook of the sociology of emotions*. New York, 2008.
- Wierzbicka 1990 – *A. Wierzbicka*. Dusa ‘soul’, toska ‘yearning’, sud’ba ‘fate’: three key concepts in Russian language and Russian culture // Z. Saloni (ed.). *Metody formalne v opisie językow słowiańskich*. Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1990.
- Wierzbicka 1992 – *A. Wierzbicka*. *Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York; Oxford, 1992.
- Wierzbicka 1999 – *A. Wierzbicka*. *Emotions across languages and cultures*. Cambridge, 1999.